

(1)Однажды меня обокрали, впервые в жизни. (2)Вор взломал ночью замок гаража, где стояла моя машина, вынул лобовое стекло, снял все колеса, не побрезговал даже мелочами: обоими зеркалами заднего вида и «дворником».

(3)Утром я в хорошем настроении вышел из дома. (4)Дошагал до своего гаража. (5)Сперва, увидев приоткрытые ворота, даже не понял, что случилось. (6)Потом скорее с недоумением, чем с возмущением, стал осматривать картину преступления, всё более теряясь душой при каждом новом «открытии».

(7)Потом я долго стоял перед распахнутыми взломщиком воротами, и мысли у меня были вовсе не о том, где я достану дефицитные в ту пору детали и во что это мне обойдется (об этом я думал позже). (8)Мысли были другие – о мести: (9)«Как человек, такой же, как я, может присвоить себе право врыватья в чужое помеение, брать то, что ему не принадлежит? (10)За что, совершенно меня не зная, он решил мне навредить? (11)Там, у подъезда, меня ждет жена, которую нужно отвезти в поликлинику, а я сейчас вернусь к ней пешком и скажу»... (12)Я чувствовал себя обиженным до глубины души. (13)Оскорбленным в самых лучших чувствах без всякого на то основания. (14)Внутри кипела злоба. (15)Поймал бы я этого типа и убил бы на месте! (16)Пусть меня осудят, потому что такие люди не имеют права ходить по земле!

(17)И вот мы с ним стоим рядом: он, вор, и я. (18)Потому что вора быстро поймала милиция, все украденные им вещи мне вернули. (19)И не было у меня ни малейшего желания мстить. (20)Не хотелось ни убить, ни ударить, ни даже словом оскорбить этого человека. (21)Не потому, что прошло три дня и ожесточение моё улеглось. (22)Не потому, что моё стекло и мои колеса лежали снова в гараже. (23)Просто потому, что лежачих не бьют. (24)В какой-то момент мы даже соприкасались локтями и переговаривались, когда во время следственного эксперимента вместе искали в багажнике отвертку, которой он этот багажник вскрывал.

(25)Потом мы сидели рядом на скамье в коридоре суда, дожидаясь, когда начнется слушание нашего дела. (26)Я тогда спросил у него, как он мог решиться на воровство (не выдержала душа журналиста).

– (27)Я долгое время без работы был, а потом меня взяли на одну фирму шофером. (28)А машину дали раздолбанную: вся резина «лысая», лобовое стекло треснутое... (29)Как с таким ездить?

– (30)Так ты, значит, от безысходности на кражу пошёл? (31)А если бы у меня была лысая резина и треснутое стекло и я бы пришёл к тебе ночью в гараж, ты бы меня простил?

– (32)Вы бы не пришли.

– (33)Почему ты в этом уверен?

– (34)Вам совесть не позволит, вы бы, наверное, сами себе с первой зарплаты купили...

– (35)Так у тебя, значит, совести нет?

(36)Он безнадежно махнул рукой, тоскливо вздохнул и отвернулся. (37)А я поймал себя на том, что, наряду с вполне объяснимым чувством презрения, непроизвольно испытываю к этому человеку жалость и даже... сочувствие. (38)Вспомнились слова чешского журналиста Юлиуса Фучика, погибшего в застенках гестапо...(39) «Смотреть на людей со сломанной совестью ещё страшнее, чем на избитых...»

(По И. Дубровицкому)*

***Игорь Васильевич Дубровицкий** (1925-2010) – известный советский радиожурналист, детский писатель.
